

Из-за того что «Троецарствие» не могло выходить вовремя, Цуй Се чувствовал глубокую вину перед читателями. И тогда он велел печатникам заменить обычную хлопковую бумагу на цветных иллюстрациях плотной светло-облачной бумагой с высококачественной печатью. Обложку украсили портретами героев или красавиц из соответствующего тома, а название изменили на «Шестеро талантливых ученых критикуют Троецарствие: выверенное издание „Цзюаньчжай“», чтобы переиздать книгу с первого тома как совершенно новое произведение. В подготовленные к печати десятый и одиннадцатый тома добавили объявление, извещавшее читателей, что права на «Троецарствие: версия шести талантов» перешли к лавке «Цзюаньчжай». Кроме того, проявляя заботу о читателях, новое заведение решило тщательно перепроверить старое издание с самого начала. Прежний вариант в синей обложке приостановили в печати до завершения сверки, а новое подарочное издание должно было выйти одновременно с двумя последними томами старого.

Что оставалось делать читателям, когда выпуск привычной книги в мягком переплете на полпути неожиданно оборвался, а торговцы предложили куда более дорогое, но невероятно притягательное подарочное издание? Покупать все с самого начала или ждать, пока новая версия догонит некупленные тома?

Пока обычные любители книг в замешательстве сжимали кошельки, пираты не упустили свой шанс. Они тут же привлекли нескольких местных грамотеев для написания комментариев, заставили художников скопировать портреты героев и выкатили тома начиная с двенадцатого. Сначала эти книги продавались неплохо, но читатели покупали их в основном ради иллюстраций и комментариев. А качество оставляло желать лучшего: одни заметки казались слишком педантичными и скучными, другие хотя и выглядели свежо, не вызвали никаких споров, а иные и вовсе были написаны одним человеком, пытавшимся спорить с самим собой под разными именами...

Все это были лишь попытки нажиться на чужой славе, безнадежно далекие от искренней словесной дуэли Шести гениев из Цзяньяня.

Раз уж комментарии уступали оригиналу, то иллюстрации и подавно не могли сравниться с рисунками семьи Цуй. Внешность прежних персонажей еще удавалось скопировать с внешним сходством, но новые герои получались либо блеклыми, либо до смешного похожими на прежних. Пираты пользовались теми же уловками, что и лавки, пытавшиеся обмануть евнуха Гао: переоденут Чжоу Юя — и объявляют его Лу Сюнем; пририсуют императрице Фу седину — вот вам и госпожа У; подкрасят лицо Пань Тона потемнее — и выдают за Чжан Суна...

Не успели они продать много экземпляров, как читатели раскусили обман. Те, у кого водились деньги, со спокойной душой покупали новое издание, а менее обеспеченные довольствовались разглядыванием роскошных обложек в книжных лавках, сжимая кошельки в ожидании старого варианта.

Успокоив читателей, Цуй Се смог выделять по часу в день, чтобы без помех работать над иллюстрацией Праздника Умиротворения Небес.

Сцена Праздника Умиротворения Небес отличалась грандиозным размахом: во главе стола восседал Нефритовый император, по обе стороны от него — Жулай и Ванму. Ниже за одним столом сидели по двое божеств и будд. В центре среди туманной дымки танцевала Чанъэ в окружении дев-небожительниц, одна из которых держала в руках пипу. Облака, клубком окутывавшие танцевальную площадку, мягко отделяли пирующих небожителей. Чтобы детально передать облик и выражение лица каждого божества, нельзя было ограничиться простым видом сверху — требовалось создать длинный свиток.

Только на наброски у него ушла целая неделя: изведя почти сто листов бумаги, он наконец утвердил окончательную композицию.

Картина начиналась с профилей Нефритового императора, Ванму и Будды во время пира. Перед ними танцевала Чанъэ в окружении дев-небожительниц, а вокруг возвышались перила из белого нефрита. За ними располагались низкие столики. Тех, кого Цуй Се отчетливо помнил — Тайшан Лао-цзюня, Гуаньинь, Пусянь, князя Ли, Ян Цзяня, маршала Тяньпэна, Тайбай Цзиньсина и других, — он изобразил лицом к зрителю. Тех же, кого помнил смутно, прикрыл со спины или сбоку.

За ними витязи в золотых доспехах приподнимались с мест, повернув лица влево и встречая драконьих царей четырех морей, а также Волка Куй, Петуха Мао и других сохранившихся в памяти духов из Двадцати восьми созвездий, шествовавших с нефритовыми дощечками в руках... Следом длинной вереницей выступали Семь фей с корзинами волшебных персиков, а сам задний план растворился в густой облачной дымке.

Хоть он и не смотрел «Путешествие на Запад» больше года, дворцовые занавеси и облик персонажей всплывали в памяти так четко, будто он брал кадры из сериала и обрабатывал их в панорамные рисунки тушью.

Как замечательно быть молодым! После перемещения в этот мир его память стала будто бы еще лучше, чем раньше. Он не только с легкостью заучивал книги, но и не забыл ни единой детали из сериалов, которые смотрел так давно!

Самым трудным в работе над свитком оказалась композиция, сами же персонажи были ему до боли знакомы. Он закончил работу еще до наступления двенадцатого месяца. Поскольку уговор с цянху Се был на середину двенадцатого месяца, у него оставалось еще несколько дней. Цуй Се докупил ходившие на рынке копии старинных изображений богов и древних героев, подправил по ним украшения и утварь, затем развел золотые и серебряные белила с перламутровой пудрой, чтобы вывести узоры на колоннах, расписать украшения, шишки-ушниши на головах будд и бодхисаттв, а за головами святых и божеств нарисовать мягкие нимбы.

Этот рисунок предназначался в дар императору, и привлекать лишнее внимание к своему авторству было ни к чему. Поэтому он даже не стал отдавать свиток на официальное монтирование, а просто сам подклеил снизу слой рисовой бумаги. Когда все просохло, он свернул работу, уложил ее в деревянную шкатулку, запечатал двумя полосками бумаги и велел Цуй Юаню лично доставить ее в столицу и передать цянху Се.

Только Пэн Янь видел, как создавалась эта картина. Он не удержался от вопроса:

— Молодой господин, как вы сумели нарисовать столько божеств? Ладно еще «Троецарствие» — какими бы храбрыми ни были генералы, они все же смертные. Но этих богов, будд и фей... Вы что, видели их наяву? От них так и веет бессмертием, с первого взгляда понятно, что они не из нашего мира!

Цуй Се давно привык к подобным похвалам и нисколько не боялся, что слуга раскроет его тайну иномирца. Погладив мальчика по голове, он улыбнулся:

— Рисунок предназначается важному человеку, так что я обязан был сделать его безупречным. Вместо того чтобы хвалить меня, давай лучше найдем тебе учителя рисования. Когда в следующем году я сдам экзамен на сюэя, я и сам обучу тебя своей технике. А в будущем, когда стану чиновником, ты сможешь помогать мне иллюстрировать и издавать книги.

Пэн Янь мгновенно залился краской:

— Ну... ну как так можно! Молодой господин, вы — сошедшая с небес Звезда Словесности, потому вам все по плечу. А я всего лишь книгонос...

— Значит, ты книгонос Звезды Словесности, — Цуй Се слегка щелкнул его по носу и усмехнулся: — Разве еще осенью я не даровал вам с отцом свободу и не сделал твоего отца хозяином «Цзюаньчжай»? Ты теперь молодой хозяин, с чего вдруг продолжаешь звать себя слугой? В будущем тебе предстоит управлять лучшим книжным домом Поднебесной! Как же ты обойдешься без умения писать и рисовать?

— Но... но вы ведь сами сказали, что еще не достигли совершеннолетия и вам не положено владеть имуществом, потому и оформили «Цзюаньчжай» на моего отца! Это ваше дело, а мы с отцом просто работаем на вас... — с каждым словом Пэн Янь волновался все сильнее, его лицо пылало.

Цуй Се захотелось подразнить его еще больше. Слегка зацепив его мягкую щеку, он рассмеялся:

— Когда твой старший брат станет почтенным цзиньши, он уж точно не прикоснется к этим презренным медякам. Так что тебе придется постараться, малыш Пэн Янь.

Цуй Юань спешил изо всех сил и успел доставить картину в столицу до десятого дня двенадцатого месяца.

Се Ин в тот день раньше обычного вернулся со службы в императорском дворе и принял его. Цуй Юань лично передал ему свиток и письмо Цуй Се, с вежливым поклоном произнес за хозяина:

— Наш молодой господин еще юн. Если в рисунке найдутся изъяны, просим цянху проявить великодушие.

Се Ин улыбнулся:

— Ныне в Пекине неисчислимое множество людей кормятся его рисунками. Если он рисует плохо, то художникам и владельцам книжных лавок остается разве что питаться одним воздухом.

В глубине души Цуй Юань тоже считал юного господина безупречным, поэтому откланялся без особой искренности и добавил:

— Молодой господин передавал, что в Цзяньани нет хороших мастеров монтирования, так что под свиток подклеен лишь один слой рисовой бумаги. Настоящего оклада у картины нет, так что господину цянху придется приложить некоторые усилия.

Се Ин сжал в руках изящную парчовую шкатулку и с улыбкой кивнул:

— На улице ненастно. Оставайся переночевать, чтобы твоему молодому господину не пришлось беспокоиться. А я вернусь к себе и взгляну на картину.

Вернувшись во внутренние покои, он первым делом вскрыл письмо.

Почерк стал еще совершеннее, чем прежде: штрихи обрели твердость и силу, выразительно

проявляясь на бумаге. Трудно было представить, как за несколько месяцев можно добиться такого мастерства. Содержание письма оказалось весьма простым: сначала Цуй Се выражал благодарность за заботу, а затем пояснял, что картину следует назвать «Праздник Умиротворения Небес», с подробным указанием имен и раскладки персонажей.

Се Ин внимательно читал, запоминая каждую деталь. Когда описание героев подошло к концу, у самой подписи вдруг встретилась неожиданная фраза: «Ныне стоят лютые морозы, и кухарка часто готовит сытные, питательные блюда. За последний месяц ваш покорный слуга прибавил в весе несколько цзиней и опасается, как бы при следующей встрече господин цянху не признал его».

В прошлый раз Се Шань вернулся и доложил, что тот похудел — и вот теперь он спешит сообщить в письме, что поправился? Се Ин невольно качнул головой, а губы сами собой изогнулись в легкой улыбке.

Дочитав письмо, он взял маленький серебряный ножик, разрезал полоски печатей, открыл парчовую шкатулку, достал туго свернутый свиток и медленно развернул его прямо на кане.

В тот же миг пред ним предстал целый сонм оживших божеств и будд: величественный Нефритовый император, милосердная и величественная Ванму, исполненный святости Жулай, отрешенные от мирского Тайшан Лао-цзюнь и Тайбай Цзиньсин, доблестный Ян Цзянь, сияющая подобно луне Чанъэ, парящая в танце фея с пипой, грациозные девы-небожительницы, а также разнообразные драконьи цари и духи созвездий...

<http://bllate.org/book/18372/1761312>